

слова

все слова истощились
пережеваны словно жвачка
во рту рекламной красоты
превратились в пузырь
белый шарик

испохабленные политиками
они годятся лишь
для отбеливания зубов
для полоскания
полости рта

когда я был ребенком
слово можно было
приложить к ране
подарить тому кого любишь

а ныне
зачахшие
завернутые в газету
зловонные
они еще дышат ядом
они еще ранят

схороненные
в головах
в сердцах
под платьями юных женщин
в священных книгах
взрываются
убивают

такой вот мастер

просыпается
глядит по сторонам

на земле
что-то должно остаться
но что?

отлетели ангелы

чуть пьяный
от сна и вина
напоенный
желчью и уксусом
старый поэт
пытается вспомнить
что именно
должно было остаться
на земле

поэзия и любовь?
а может поэзия и доброта?*

беззубо пережевывает слова
вроде бы доброта
и красота?
а может милосердие?

отходит подальше
чтобы лучше увидеть Варшаву

прежняя была прекрасна и зла
ее сестра добра и безобразна

такой вот мастер
заигрывает и отталкивает

* Отсылка к хрестоматийным строкам Циприана Камиля Норвида «Z rzeczy świata tego zostaną tylko dwie, Dwie tylko: poezja i dobroć... i więcej nic» (в переводе Анатолия Гелескула — «Все на земле проходит, остаются лишь поэзия и доброта — и только они»).

морочит чтобы прояснить

закрывает глаза

видит две ступни

пробитые гвоздями

это они улетают с земли

сердце подступает к горлу

в сорок пятом году
в октябре
я вышел из подполья

я начал дышать

слово за словом
ко мне возвращалась речь

мне казалось
что *все* налаживается
и не лишь у меня в голове
но и в мире
в дому
в отечестве

вместе с Пшибосем
я искал свое место
вместе со Стаффом
все отстраивал
начиная от дыма из трубы
вместе с профессором Котарбиньским
голосовал на референдуме «трижды да»

я штудировал на семинаре
профессора Ингардена
введение в теорию познания
Юм помогал мне
упорядочить мысли

референдум оказался липовым

строительство храма
продвигалось
согласно планам и чаяньям

Бог оставил меня в покое
делай что хочешь

сказал он
ты уже взрослый
отпусти мою руку
не приставай ко мне
с пустяками
у меня два миллиарда человек
вот-вот будет десять миллиардов
я помог тебе в тридцать пятом
решить уравнения с одним неизвестным
сказал Бог
из пылающего куста
и тот обратился в пепел

двадцать первый век
подкрадывался как вор

голова моя разлетелась
на четыре стороны света
на стене появилась надпись
мене текел фарес
в Вавилоне
ножом у горла

что увидел Фома Аквинский

*записки на полях статьи Тадеуша Бартося
«Удивительный мир Фомы из Аквино»*

6 декабря 1273 года
во время мессы
он испытывает нечто
после чего отказывается писать
«я не могу больше писать
я видел вещи рядом с которыми
все мои писания труха»

что увидел Аквинат?
«я видел вещи» сказал он
и замолчал

какие такие вещи?

Фома Аквинский не понимал
ни женщин ни детей ни искусство
(так говорят)
может боялся
может не хотел понимать

«я видел вещи»

может он увидел женщину-ангела
рожающую дитя
бога и искупителя

может он увидел Бога
Отца и Мать

а может он увидел священника
женщину
она улыбалась ему
призывно

а может он увидел

свое зачатие и рождение

и понял что женщина
не ошибка природы
а сама природа

через Аристотеля
я ощущаю
некую зыбкую связь
с этим отцом церкви

мне нравится
весомость
его тела духа и разума

он напоминает мне
Мартина Лютера

такие вот бегемоты
вернули Церкви вес

я вижу как их исполинские тела
погружаются
в живую воду
веры надежды и любви

при свете мерцающих ламп

при свете мерцающих ламп
выглядел мир иначе

лица живых мертвых
и спящих
лица отвернувшихся

головы
склоненные друг к другу

при свете коптящих ламп
человек обживался глубже
укорялся крепче
в радостях и в заботах
колеблющиеся тени
исчезали возвращались вырастали
слова звучали теплее
доверительней
дом качался и уплывал
с гробом и колыбелью

при свете мерцающих ламп
бесконечность была конечной
время осязаемым
пространство замкнутым
в четырех стенах
стоило закрыть глаза
и ты оказывался
в четвертом измерении
стоило отворить двери
и ты оказывался
на пути в Эммаус
там ты встречал Иисуса
живого
еще не узнанного
он ел запеченную рыбу
хлеб и сотовый мед

настоящая жизнь
это дорога и встреча

при свете керосиновых ламп
когда заводили часы
на стене появлялись знаки
родом из рисунков Бруно Шульца
мене текел фарес

об этих лампах
знал почти все
поэт из Дрогобыча
почти
ведь всего
не знает никто
ни о своем рождении
ни о смерти

когда я думаю о нем
о его книге
я вижу его
в свете коптящей лампы
с вырастающей на стене
тенью
простреленной головы

будильник

как тяжело
быть пастырем мертвых

то и дело
живые просят
напиши *хоть что-то*
о ком-то кто умер ушел
уснул вечным сном
упокоился

да я тот кто пишет кто выжил
выжил и снова пишет

пусть мертвые хоронят своих мертвецов

я слушаю тиканье часов
это старый будильник
сработанный в Китае
в Шанхае
еще при жизни великого кормчего
того что призвал сто цветов расцветать
и сто художественных школ
соревноваться
а потом устроил культурную революцию

мой будильник как трактор
заводить его нужно дубиной
(помните как говаривали
управляющие поместьями
узколобые и чванливые
«шиш мужику а не часы
он их будет дубиной заводить»
мужики позабыли но «помнит поэт»)
завожу его как Гервазий*
будильник будит меня в пять утра
он безотказен
как старый китаец головой качавший

* Герой «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича.

в витрине колониальной лавки
над жестяной коробкой с чаем

будильник несколько раз в год
будит меня
напоминает
что я должен куда-то ехать бежать
на север на юг
на запад на восток
или должен встать на рассвете
и закончить стихотворение
hundert Blumen blühen
(красную книжку
Председателя Мао
с предисловием Линь Бяо
я купил в Мюнхене)

я поэт пастырь жизни
сделался пастырем мертвых

слишком долго я пасся
на лугах ваших кладбищ мертвые
уйдите оставьте меня в покое

мы живые справимся сами

я видел Его

он спал на скамейке
подложив под голову
пластиковый пакет

в темно-красном пальто
похожем на старый половик

на голове у него была ушанка
на руках лиловые перчатки
из которых торчали пальцы
указательный и еще этот
забыл как называется

случилось это в парке
меж привязанным к колышку
голым деревцем
пивной жестянкой
и прокладкой висящей
на кусте шиповника

на нем было три кофты
черная белая и зеленая
вылинявшие вконец
и спал он спокойно как дитя

я почувствовал сердцем
(не подумал но почувствовал)
что это наместник
Иисуса на земле

а может и сам Сын Человеческий

я хотел прикоснуться к нему
и спросить
ты Петр да?

но меня охватила
безмерная робость

и я онемел

лицо его пряталось
в рыжебородых космах

я хотел разбудить его
и еще раз спросить
что есть истина

наклонился к нему
и почувствовал
его несвежее дыхание

и все же
что-то мне говорило
это Сын Человеческий

он открыл глаза
и поглядел на меня

я понял
он знает все

я ушел в смятении
я отстранился
я сбежал

дома я вымыл руки

зеркало

с годами заглох
гомон ненужных вопросов
и ответов
меня обступила тишина

тишина это зеркало
моих стихов
их отраженья молчат

Рембрандт
спеленутый старостью
беззубый
жует меня
смеется
со стены
музея Вальрафа-Рихарца

отчего ты не сделался
бессловесным художником
Никифором из Крыницы

из стертых временем черт
вырисовывается
наше общее лицо
это нынешнее лицо
я видел когда-то другим
а такого не ждал
зеркало спрятало в себе
то живое молодое

теперь оно
почерневшее
безжизненное
умирает
без отражения
света
дыхания

корабль-призрак

день все короче
солнечные часы
от дождей онемели

санаторий выплывает
из туч
как исполинский лайнер

чернеют столбы деревьев
сочатся водой лунным светом

санаторий плывет
в ноябрьском тумане
качается
гаснет окно за окном
погружается во тьму
в сон

лишь внизу
под землей
черт раскочегаривает печь
в «Преисподней»

не пугайтесь
это всего лишь ресторанчик
ночной кабак

благословенные и проклятые
с горячечным румянцем
вылизывают объедки жизни

температура поднимается
все кружится
в танце смерти
„um die dunklen Stellen der Frau“

корабль-призрак
садится на мель

последний разговор

вместо ответа
на мой вопрос
ты приложил палец к губам

сказал Ежи

это означает
что ты не хочешь
что ты не можешь ответить?

нет это мой ответ
на твой вопрос
«какой смысл жить
если я все равно умру?»

приложив палец к губам
я ответил тебе мысленно
«в жизни есть смысл именно потому
что мы неизбежно умираем»

вечная жизнь
нескончаемая жизнь
бессмысленна
как свет без тени
как эхо без голоса

роскошь

вторник 23 апреля
113-й день 2002 года

сегодня у меня
свободный день

я слушаю как барабанит дождь
читаю стихи
Стаффа и Тувима

«Я буду первым в Польше футуристом.
Однако же не стану остолопом —
Не превращу поэзию в род спорта
Или набор кунштюков...»

читаю календарную страницу
дягиль лекарственный
это пряно-ароматическое растение
знали еще в древности
можно ведь вспомнить
вкус жизни
вкус дягилевой настойки

я слушаю как барабанит дождь

такую роскошь
не могут себе позволить
сильные мира сего
вынужденные неустанно
пожимать потные руки
целовать знамена
гладить детей по головке
и старичков
приводить в порядок
костюм и лицо
стирать краску с лица
и мне жаль
важных (мира сего) людей

они не могут себе позволить
запустить помидором в кого-то
схватить паршивца за ухо

слава богу
что я не должен
бороться за голоса идиотов

я слушаю дождь

как мало нужно
человеку
для счастья

жаль

я не дочитал «Рай»
 меа кульпа
 я скучал над «Чистилищем»
 меа кульпа
 а вот «Ад» я читал
 с горящими глазами
 меа максима кульпа

Эзра Паунд
 прочитал не только
 всего Данте и Конфуция
 но и поэта из Предаппио*
(la Clara a Milano!)
 к которому питал слабость

этот Паунд
 он был безумец
 гений и мученик

его любимый ученик
 Поссум**
 писал чудные стихи о кошках
 носил элегантные галстуки
 и был куда сдержаннее в речах
 чем учитель
 за что и получил нобелевку

Паунд
 был прав
 в своей неприязни
 к капиталистам и ростовщикам
 он хотел изгнать
 торговцев из храма

на него недели

* Бенито Муссолини.

** Так Паунд называл Томаса Элиота (по его знаменитой «Old Possum's Book of Practical Cats»).

смирительную рубашку
в этом наряде
он ходит по Парнасу
и беседует с ценителем
Данте Ариосто Шиллера
Клопштока фон Платена
и Вайблингера
с поэтом композитором вождем
переводчиком и автором стихотворения
«Die Worte vom Brot»
с самим Бенито Муссолини
(так тебе и надо поэт-дуралей!)

PS

жаль что Паунд
не прочитал «Майн кампф»
прежде чем хвалить
фюрера